

Чеботаревская Анастасия Николаевна

О Федоре Сологубе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А64

А64 **Анастасия Николаевна Ч.**
О Федоре Сологубе / Чеботаревская Анастасия Николаевна – М.: Книга по Требованию,
2023. – 360 с.

ISBN 978-5-521-29866-2

ISBN 978-5-521-29866-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

ТЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. *)

Уже въ первой книжкѣ стиховъ Ѳ. Сологуба намѣчаются тѣ мотивы, которые въ послѣдствіи стали преобладающими въ творествѣ этого автора.

Мы находимъ сначала у Ѳ. Сологуба легкое недоумѣніе, тихую грусть о смыслѣ жизни:

Грустно грежу, скорбь лелѣю,
Паутину жизни рву,
И дознаться не умѣю,
Для чего и чѣмъ живу...

Въ такомъ настроеніи духа поэтъ переносится „попеременно отъ безнадежности къ желаніямъ“, въ поискахъ за той истиной, которая, несмотря ни на что, остается для него скрытой; самъ онъ выражаетъ это, говоря про себя:

Блуждаетъ пѣсня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Ее найду ли я?

Какой тайны жаждетъ поэтъ—это мы еще увидимъ; но

*) Въслѣдствіе ограниченнаго размѣра сборника статья эта, съ любезнаго разрѣшенія автора, появляется здѣсь въ нѣсколько уменьшенномъ объемѣ.

во всякомъ случаѣ поиски эти оставались тщетными, а больныя томленья поэта передъ бѣдою становились все болѣе и болѣе острыми. И если иногда онъ еще готовъ въ минуту примиренья оправдать свою жизнь („Благословляю, жизнь моя, твои печали“...), то отъ большинства стиховъ его первой книги все больше и больше начинается вѣять холодомъ отчаянья. Въ жизни Ө. Сологубъ не находитъ отвѣта и ищетъ его въ смерти:

Мы устали преслѣдовать цѣли,
На работу затрачивать силы,—
Мы созрѣли
Для могилы.
Отдадимся могилѣ безъ спора,
Какъ малытки своей колыбели,
Мы истлѣемъ въ ней скоро,
И безъ цѣли...

Къ такому взгляду отчаянья пришелъ Ө. Сологубъ въ первой книгѣ своихъ стиховъ—больныя томленья разрѣшились бѣдою. Весь дальнѣйшій періодъ творчества Ө. Сологуба отмѣченъ этимъ знакомъ отчаянья, сопровождаемого страхомъ жизни, и въ то же время попытками уяснить себѣ суть жизни, смыслъ жизни.

Любопытно отмѣтить, что poeta одинаково не удовлетворяетъ ни субъективное оправданіе жизни, ни вѣра въ ея объективную цѣлесообразность. Съ одной стороны ему хочется найти общій смыслъ и въ жизни міра и въ жизни человѣка, одно субъективное оправданіе жизни его не удовлетворяетъ; устами Нюты Ермолиной, героини романа „Тяжелые сны“, онъ груститъ о томъ, что природа равнодушна къ человѣку: „...все къ намъ безучастно и не для насъ: и вѣтеръ, и звѣри, и птицы, которые для чего-то развиваютъ всю эту страшную энергію“. Съ другой стороны, Ө. Сологубъ не устаетъ высмѣивать вѣру въ тотъ антропоцентризмъ, который отразился и въ словахъ Нюты Ермолиной; онъ ядовито иллюстрируетъ эту точку зрѣнія въ своихъ прелестныхъ сказкахъ и сказочкахъ. И въ то же время у

Θ. Сологуба нѣтъ вѣры въ объективную цѣлесообразность жизни, для него „безнадежностью великой беспощадный вѣетъ свѣтъ“; подобно Герцену, онъ не вѣритъ въ цѣль? прогресса, въ того Молоха, который, „по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды пятится назадъ“:

Въ путяхъ томительной печали
Стремится вѣчно родъ людской
Въ недосыгаемая дали,
Къ какой-то цѣли роковой.
И создаетъ неутомимо
Судьба преграды передъ нимъ.
И все далекъ отъ пилигрима
Его святой Ерусалимъ.

А между тѣмъ безъ „святого Ерусалима“ Θ. Сологубъ обойтись не можетъ; и вотъ почему онъ одно время, подобно Чехову, приходитъ къ своеобразной „вѣрѣ въ прогрессъ“ утѣшается шигалевщиной, утверждаетъ, что цѣль.—въ будущемъ. Въ этой вѣрѣ онъ искалъ прибѣжища отъ того холоднаго отчаянья, которое сказалось въ первомъ сборникѣ его стиховъ и продиктовало ему лучший рассказъ его второй книги—„Тѣни“. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ Володя увлекается дѣтской игрой—складывая разными способами руки, онъ получаетъ на освѣщенной стѣнѣ силуэты, изображающіе разныя фигуры; но забава эта скоро становится трагической. Чтобы отвлечь Володю отъ царства тѣней и царства стѣнъ, мать идетъ съ нимъ на улицу, но ...и на улицѣ были повсюду тѣни, вечернія, таинственныя, неуловимыя“... Уйти отъ нихъ, скрыться—некуда; вся наша жизнь окружена стѣнами. И на угрозу карцеромъ, которымъ хотятъ излѣчить его болѣзнь, Володя угрюмо отвѣчаетъ: „и тамъ есть стѣна... вездѣ стѣна“... Стѣна и тѣнь—вотъ и вся человѣческая жизнь: болѣе того—вотъ и вся жизнь человѣчества. Этой идеи не выдерживаетъ и мать Володи.

„... Она повѣряетъ свою душу, вспоминаетъ свою жизнь—и видитъ ея пустоту, ненужность, безцѣльность... Одно только бессмысленное мельканіе тѣней, сливающихся

въ густѣющихъ сумеркахъ. „Зачѣмъ я жила?—спрашиваетъ она себя:—для сына? Но для чего?—Чтобы и онъ сталъ добычею тѣней, маниакомъ съ узкимъ горизонтомъ, прикованный къ иллюзіямъ, къ бессмысленнымъ отраженіямъ на безжизненной стѣнѣ? И онъ тоже войдетъ въ жизнь и дастъ жизнь ряду существованій, призранныхъ и ненужныхъ, какъ сонъ“... И бѣжать отъ этихъ тѣней жизни и отъ этой жизни тѣней—некуда, такъ какъ „и тамъ будетъ стѣна... вездѣ стѣна“... Трагедія кончена: жизнь тѣней побѣдила тѣни жизни. „Въ Володиной комнатѣ на полу горитъ лампа. За нею, у стѣны, на полу, сидятъ мама и Володя. Они смотрятъ на стѣну и дѣлаютъ руками странныя движенія... По стѣнѣ бѣгутъ и зыблются тѣни. Володя и мама понимаютъ ихъ. Они улыбаются грустно и говорятъ другъ другу что-то томительное и невозможное. Лица ихъ мирны, и грезы ихъ ясны—ихъ радость безнадежно печальна, и дико-радостна ихъ печаль. Въ глазахъ ихъ свѣтится безуміе, блаженное безуміе“...

Это—выходъ, блаженное безуміе—это лучше и выше жизни, состоящей изъ бессмысленнаго мельканія тѣней и бессмысленнаго отраженія ихъ на безжизненной стѣнѣ.

Жизнь, это—зловонный звѣринецъ, а мы—навѣки заключенные въ его стѣнахъ звѣри, говоритъ намъ поэтъ даже въ послѣдней книгѣ своихъ стиховъ („Пламенный кругъ“).

Мы—плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ...

И если это удивительное по силѣ чувства стихотвореніе (трудно было удержаться отъ искушенія переписать его цѣликомъ) дѣйствительно рисуетъ намъ человѣческую жизнь, если міръ только зловонный звѣринецъ, а мы—запертые въ клѣткахъ звѣри, то какъ же не пожелать себѣ и всѣмъ „блаженнаго безумія“, спасающаго насъ отъ этой звѣриной

жизни? Но этот порожденный отчаяніемъ отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ жизни—не выходъ, а тупикъ, тоже своего рода „стѣна“. И Ѳ. Сологубъ ищетъ выхода, ищетъ свой „святой Ерусалимъ“ на землѣ или на небѣ; отсюда его временная шигалевщина, его попытка утвержденія цѣли въ будущемъ.

Рядъ подобныхъ мотивовъ мы находимъ въ рядѣ слѣдующихъ стихотвореній Сологуба. На небѣ или на землѣ ждетъ этого будущего Ѳ. Сологубъ, Іерусалимъ духовный или тѣлесный привлекаетъ его къ себѣ—это для насъ пока безразлично; но во всякомъ случаѣ очевидно, что не въ Zukunftstaat вѣруетъ нашъ авторъ. Земная жизнь для него—какой-то внѣшній эпизодъ, какое-то нелѣпое недоразумѣніе. Его мечты и надежды—въ будущемъ:

И промечтаю до конца,
И мирно улыбаясь жизни,
Уйду къ невѣдомой отчизнѣ,
Въ чертоги мудраго отца...

Вѣра эта принимала у Ѳ. Сологуба и болѣе конкретныя формы, особенно ярко выраженные въ циклѣ стихотвореній „Звѣзда Маиръ“. Въ звѣздныхъ пространствахъ есть далекое солнце Маиръ, освѣщающее своими лучами землю Ойле—вотъ Zukunftstaat Ѳедора Сологуба! „На Ойле далекой и прекрасной вся любовь и вся душа моя“ — заявляетъ поэтъ и видитъ на Ойле „вѣчный міръ блаженства и покоя, вѣчный міръ свершившейся мечты“... Въ этотъ Zukunftstaat современемъ придетъ и Ѳ. Сологубъ:

Мой прахъ истлѣетъ понемногу,
Истлѣетъ онъ въ сырой землѣ,
А я межъ звѣздъ найду дорогу
Къ иной странѣ, къ моей Ойле.
Я все земное позабуду,
И тамъ я буду не чужой, —
Довѣрюсь я иному чуду,
Какъ обычаи земной.

Эти мотивы можно встрѣтить еще въ нѣсколькихъ

стихотвореніяхъ Ѳ. Сологуба (см., напримѣръ, „Въ мерцаньи звѣздъ нисходитъ на меня“... и „Звѣзды, привѣтствуйте брата!“); и они крайне любопытны для уясненія безсилія этой вѣры въ будущее раскрыть смыслъ настоящаго. Конечно, блаженъ, кто вѣруетъ въ Ойле или въ Zukunftstaat; но это самоутѣшеніе не есть объясненіе смысла нашей жизни.

Вѣдь дѣло вовсе не въ забвеніи, а именно въ страданіяхъ!

Никакія Ойле, никакіе дымы благоуханій не искупаютъ этого мгновенья безвинной человѣческой муки; слишкомъ дорого оцѣнена такая гармонія—и самъ Ѳ. Сологубъ еще во второй книгѣ своихъ стиховъ ясно высказалъ, что это единственно возможный отвѣтъ на вопросъ.

Отсюда только одинъ шагъ до возвращенія къ старому признанію человѣческой жизни діаволовымъ водевилемъ, къ совершенному разрыву съ Богомъ.

„... На самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ, обманъ одинъ. Подумай самъ, если бы все это было въ самомъ дѣлѣ, такъ развѣ люди умирали бы? Развѣ можно было бы умереть? Все здѣсь уходитъ, исчезаетъ, какъ привидѣніе“,—такъ въ сологубовскомъ разсказѣ „Жало смерти“ одинъ мальчикъ подговариваетъ другого къ самоубійству. Все обманъ, реальны только страданія и обиды, къ которымъ привыкнуть нельзя. „Ваня говорилъ, а Коля смотрѣлъ на него довѣрчивыми, покорными глазами. И обиды, о которыхъ говорилъ Ваня, больно мучили его, больнѣе, чѣмъ если бы это были его собственныя обиды. И не все ли равно, чьи обиды!..“ Колѣ захотѣлось вдругъ возразить ему такъ, чтобы это было послѣднее и сильное слово. Вѣчно-радостное и успокоительное чувство осѣнило его. Онъ поднялъ на Ваню повеселѣлые глаза и сказалъ нѣжно-звонящимъ голосомъ:—А Богъ?—Ваня повернулся къ нему, усмѣхнулся, и Колѣ опять стало страшно. Прозрачные Ванины глаза зажглись недѣтскою злобою. Онъ сказалъ тихо и угрюмо: — А Бога нѣтъ. А и есть—нуженъ ты ему очень. Упадешь нечаянно въ воду,

Богъ и не подумаетъ спасти.—Коля, блѣдный, слушалъ его въ ужасѣ "... Бога нѣтъ. Ойле нѣтъ. Нѣтъ и не надо ничего за предѣлами человѣческой жизни,—говорить Ѳ. Сологубъ устами Вани, и повторяетъ неоднократно отъ себя:

Я воскресенья не хочу,
И мнѣ совсѣмъ не надо рая,—
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу...

Никуда—значить и мечта объ Ойле перестала уже тѣшить поэта...

Коля и Ваня—это двѣ стороны души одного Ѳ. Сологуба. Борьба шуйцы съ десницей—очень это истрепанная, съ легкой руки Михайловскаго, фраза; однако, и само явленіе, характеризуемое ею, старо, какъ человѣчество. Повторяется оно и у Ѳ. Сологуба. „Красивое мѣстечко“, нѣжно-звонящимъ голосомъ говоритъ Коля. „Что красиваго?“ хмуро возражаетъ Ваня. Коля видитъ за рѣкой красивый обрывъ; въ лѣсу такъ славно пахнетъ смолой; бѣлка такъ ловко карабкается на сосну; передъ ними лежитъ такой красивый лугъ... Но вода подмоетъ, обрывъ обвалится, — слышимъ мы отвѣты Вани: — въ лѣсу пахнетъ „шкипидаромъ“; подъ кустомъ лежитъ дохлая ворона, а на лугу коровы нагадили... Коля—это тотъ Ѳ. Сологубъ, который самъ говоритъ о себѣ: „и промечтаю до конца, и мирно улыбаясь жизни, уйду... въ чертоги мудраго отца“; это тотъ Ѳ. Сологубъ, который нѣжно звонящимъ голосомъ мечтаетъ вслухъ о „блаженномъ краѣ вѣчной красоты“, объ Ойле, освѣщаемой лучами Маира, объ ангельскихъ ликахъ и дымѣ благоуханій; Ваня — это тотъ Ѳ. Сологубъ, который самъ не знаетъ, „для чего и чѣмъ живетъ“, который усталъ преслѣдовать цѣли, который созрѣлъ для могилы и для котораго „вся жизнь, весь міръ—игра безъ цѣли: не надо жить“!.. Въ Ѳ. Сологубѣ Коля пробуетъ иногда протестовать, старается сказать нѣжно-звонящимъ голосомъ „последнее и сильное слово: ...—А Богъ?.. Но побѣждаетъ въ немъ всегда

Ваня со своимъ негодующимъ отрицаніемъ: „А Бога нѣтъ. А и есть—нуженъ ты ему очень“... И Ваня не можетъ не побѣдить, такъ какъ Коля, со своими мечтами объ Ойле, безсиленъ оправдать ту жизнь, слезы и кровь которой понятны только послѣ своего превращенія въ алмазы и рубины райскихъ обитателей... Но алмазы и рубины эти—поистинѣ—камни, которые намъ хотятъ подать вмѣсто хлѣба...

Ваня побѣдилъ, Это значитъ, что попытка *Θ. Сологуба* увѣрять въ „святой Ерусалимъ“, увидѣть цѣль и смыслъ существованія въ будущемъ или даже въ мірѣ трансцендентнаго—закончилась неудачей и возвращеніемъ къ прежнему холодному отчаянью. Въ жизни нѣтъ смысла, въ жизни нѣтъ цѣли, а значитъ жизнь страшна, какъ бы ни была она подчасъ прекрасна; жизнь страшна, потому что она заперта въ бессмысленныхъ стѣнахъ, потому что вся она — только бессмысленное мельканіе тѣней по стѣнѣ. И во второй книгѣ стиховъ, которая идетъ непосредственно вслѣдъ за этимъ рассказомъ, *Θ. Сологубъ* много разъ варьируетъ эту же тему—„какъ не нуженъ мнѣ міръ и постылъ“, „какъ мнѣ трудно идти“, „какъ мнѣ страшно“... остается ждать только смерти-избавительницы и надѣяться на то, что „мы потонемъ во тьмѣ безотвѣтной“; поэтому „блестящими лучами улыбается смерть“, для него „есть блаженство одно: сномъ безгрезнымъ забыться навсегда—умереть“... ибо „неизбѣжная могила не обманетъ лишь одна“. Смысла же жизни нѣтъ—ни до смерти, ни послѣ смерти. „Если и до звѣздъ вознесется трепеть моей души и въ далекихъ мірахъ зажжетъ неутоляемую жажду и восторгъ бытія—мнѣ-то что? (такъ спрашиваетъ у своей „смерти“ герой одного изъ позднѣйшихъ сологубовскихъ рассказовъ: „Смерть по объявленію“). Истлѣвая, истлѣю здѣсь, въ страшной могилѣ, куда меня заруютъ зачѣмъ-то равнодушные люди. Что же мнѣ въ краснорѣчіи твоихъ обѣщаній, что мнѣ? что мнѣ? скажи?“

Сказала, улыбаясь кротко:

— Во блаженномъ успеніи вѣчный покой.

Повторилъ тихо:

— Вѣчный покой. И это—утѣшеніе?

— Утѣшаю, чѣмъ могу,—сказала она, улыбаясь все той же неподвижною, кроткою улыбкою“...

Такъ же утѣшаетъ самъ себя, утѣшаетъ всѣхъ насъ и Ѳеодоръ Сологубъ. Конечно, онъ не могъ не видѣть, что отвѣтить словомъ смерть на вопросы о смыслѣ жизни—значить не отвѣтить на нихъ совершенно; но какъ отвѣтить иначе и что дѣлать—онъ не знаетъ. „Если бы я зналъ! — говорить онъ устами героя романа „Тяжелые сны“, учителя Логина:—а то я какъ-то запутался въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и себѣ. Свѣточа у меня нѣтъ... Мнѣ жизнь страшна“... „А чѣмъ страшна жизнь?“ — спрашиваетъ его Пюта, и слышитъ въ отвѣтъ: „мертва она слишкомъ! Не столько живемъ, сколько играемъ. Живые люди гибнутъ, а мертвецы хоронятъ своихъ мертвецовъ“... Откуда, однако, этотъ страхъ жизни? И чѣмъ же страшна жизнь? Окружающая насъ реальность, міръ явленій, всѣ эти „предметы предметнаго міра“—страшны для Ѳ. Сологуба своей отчужденностью отъ человѣка, своимъ объективнымъ безличіемъ, безразличіемъ ко всему человѣческому. Но этотъ внѣшній міръ далеко не такъ страшенъ, какъ міръ души человѣка, жизнь людей страшнѣе всего на свѣтѣ. Ужаснѣе всего то, что не только въ окружающей нѣмой природѣ, но и въ жизни людей нельзя найти осмысленности, правды и цѣли. У смерти есть свое оправданіе—она смерть—успокоительница, переносящая насъ въ царство чистаго отрицанія, въ царство безволія, безсознанія, отсутствія зла, отсутствія неповинной муки и горя; но въ чемъ и гдѣ оправданіе жизни, съ ея горемъ, бессмысленными страданіями и неповинной мукой? Въ одной сказочкѣ Ѳ. Сологуба („Плѣненная смерть“) нѣкій рыцарь взялъ въ плѣнъ однажды самую смерть и собирался ее истребить: „смерть, я тебѣ голову срубить хочу, много ты зла на свѣтѣ надѣлала“. Но смерть молчитъ себѣ. Рыцарь и говоритъ: „вотъ даю тебѣ сроку, защищайся, коли можешь. Что ты скажешь въ свое оправданіе“? А смерть отвѣчаетъ: „я-то тебѣ пока

ничего не скажу, а вотъ пусть жизнь поговорить за меня“. И увидѣлъ рыцарь—стоитъ возлѣ него жизнь, бабища дебелая и румяная, но безобразная. И стала она говорить такія скверныя и нечестивыя слова, что затрепеталъ храбрый и непобѣдимый рыцарь и поспѣшилъ отворить темницу. Пошла смерть, и опять умирали люди. Умеръ въ свой срокъ и рыцарь—и никому на землѣ никогда не сказалъ онъ того, что слышалъ отъ жизни, бабищи безобразной и нечестивой“. *Ө.* Сологубъ тоже многое слышалъ отъ дебелой и румяной бабищи жизни, тоже затрепеталъ отъ ужаса—и то, что слышалъ, рассказалъ намъ въ своемъ романѣ „Мелкій Бѣсъ“, въ этомъ лучшемъ своемъ произведеніи.

Несмотря на недавнее появленіе „Мелкаго Бѣса“, крылатое слово „передоновщина“ сразу вошло въ обиходъ русской жизни и литературы—ибо это именно то слово, которое *Ө.* Сологубъ услышалъ отъ безобразной и нечестивой бабищи жизни. Не надо только понимать это слово такъ узко, какъ поняли его многіе читатели и критики. Видѣть въ „Мелкомъ Бѣсѣ“ сатиру на провинціальную жизнь, видѣть въ *Передоновѣ* развитіе чеховскаго человѣка въ футлярѣ—значить, совершенно не понимать внутренняго смысла сологубовскаго романа. Не одна провинціальная жизнь какого-то захолустнаго городишки, а вся жизнь въ ея цѣломъ есть сплошное мѣщанство, сплошная передоновщина; въ этомъ-то и состоитъ въ ужасъ жизни, этимъ и объясняется страхъ жизни.

Жизнь безмысленна, безцѣльна, жизнь—сплошная передоновщина.

Торжествующая пошлость на все кладетъ свою печать, только одни дѣти до поры до времени свободны отъ этой передоновщины, которая, однако, современемъ и ихъ пожретъ въ своей пасти. „Только дѣти, вѣчныя, неустанныя сосуды Божьей радости надъ землею, были живы, и бѣжали,—но уже и на нихъ налегала косность, и какое-то безликое и незримое чудище, угнѣздясь за ихъ плечьями, заглядывало порою глазами, полными угрозъ, на ихъ вне-